

**Приветственное слово на
Международной конференции «Конституция и конституционный
контроль: Развиваем доктрину и совершенствуем практику»**

11 мая 2023 года, г. Санкт-Петербург

*Пётр Павлович СЕРКОВ, Первый заместитель Председателя Верховного
Суда Российской Федерации*

Уважаемый Валерий Дмитриевич, уважаемые участники конференции!

В первую очередь разрешите выразить слова благодарности за приглашение принять участие в работе конференции и за предоставленную возможность высказать некоторые соображения по заявленной теме «Конституция и конституционный контроль».

Представляется, что для современного периода она является очень актуальной. Такая значимость объясняется в первую очередь нравственными и духовными ценностями конституционного акта, который не девальвируется во времени.

Успешность конституционного контроля зависит от целого ряда факторов. Одним из них является понимание универсальности конституционного регулирования, на которую однозначно влияют научные разработки. К настоящему времени юридической наукой сформулирована сложно организованная теория о праве. Имеющаяся трудность объясняется в том числе тем, что множество разнообразных идей и слов о сущности права единообразно не объясняет, что собой системно и конкретно представляет юридическая универсальность его функционирования. Тем не менее очевидно, что снова под влиянием правовой теории конституционные положения в значительной мере придают приоритет правам, интересам и свободам человека. Отсюда напрашивается, что названные категории с вероятностью призваны отображать конституционную универсальность. Не случайно эти категории в доктрине права позиционируются основой

современной правовой культуры. В связи с этим, например, в рассуждениях о субъективных правах, включая, естественно, и основные, должны получить детальное освещение их реальные действия у каждого гипотетического субъекта права в каждом конкретном акте межличностного общения с каждым другим гипотетическим субъектом. Так, при всей очевидности различающегося юридического содержания субъективных прав, интересов, свобод они необъяснимо включаются в один логический ряд. Это значит, что ценность субъективных прав юридически в какой-то степени уравнивается с ценностями субъективных интересов и свобод, то есть категорий иной природы. При этом не приводится доказывание того, что юридическая неопределенность идей и слов о субъективных правах, свободах и интересах подспудно не влияет на воспитание равнодушия к своим правам и одновременно равнодушия к правам других членов общества, а как следствие – на сохранение потребительского настроения, вплоть до бессовестности. Вполне допустимо, что носитель позиционированных субъективных прав и свобод концентрирует внимание, приоритеты на себе и на удовлетворении своих потребностей без учета потребностей других членов общества.

Известно, что дискуссии относительно сущности прав, интересов и свобод идут десятилетиями, умножая интерпретационные исследовательские версии. При этом не учитывается, что государство лишается унифицированной юридической методики для разработки устойчивых и нравственно оправданных мер правовой политики. За пределами внимания остается и то, что до настоящего времени государственное противостояние противоправным действиям не всегда успешно. Так, в рассуждениях о злоупотреблении субъективным правом отсутствуют субъективные обязанности. В тени остается тот факт, что ежедневное сущее одновременно слагается как из исполнения, так и из неисполнения субъективных обязанностей, неотделимых от субъективных прав, ибо их естественный тандем сопровождает удовлетворение всех субъективных потребностей. Однако этим важнейшим аспектам естественной правовой действительности

значения не придается, несмотря на то, что они отображают средоточие противоборства между свободой субъективных прав и интересов, а с другой стороны, необходимость упорядочения их проявления. Задача такого упорядочения решается государством не одно тысячелетие, в том числе за счет субъективной обязанности. Эта категория также существует не одно тысячелетие, и нет доказательств того, что она менее естественна по сравнению с субъективным правом.

Отсюда вполне резонно напрашивается предположение о том, что субъективная обязанность имеет свои ценностные ощущения, значит, сознание и психика каждого человека функционируют в окружении не только субъективного права, но и субъективной обязанности, в связи с чем не исключено, что доктринальная ориентация на приоритет субъективных прав, интересов и свобод подспудно возвращает факультативную значимость обязанности, как следствие перманентно невольно в естественной правовой действительности воспроизводит элементы правовой антикультуры.

Очевидно, что те же причины придания второстепенной значимости субъективной обязанности влияют на понимание содержания и форм межгосударственных отношений. Активное рассуждение на тему универсального понимания прав и свобод человека, а также верховенства права в межгосударственных отношениях не означает, что в правовой теории имеет место детально разработанная и всесторонне выверенная универсальная логика зависимости во взаимодействии прав и обязанностей. Вполне допустимо, что взаимодействие названных категорий выступает носителем естественной универсальности, которая выражается в формуле «ты – мне, я – тебе». Она проистекает из древнейших принципов родоплеменной взаимности и паритетности субъективных прав и обязанностей. Обозначенный принцип в свою очередь находит свое прямое продолжение в закономерности возникновения и развития механизма правоотношений в условиях образующейся и укрепляющейся государственности.

Не сложно заметить, что динамические процессы обеспечения равенности во всем многообразии межличностного общения и в межгосударственных отношениях неизбежно ограничивают субъективные права и свободы, субъективную волю, но востребуют состояние субъективного долга, субъективной добросовестности, субъективной ответственности и так далее. Объясняется это тем, что содержание правовых принципов взаимности и паритетности субъективных прав и обязанностей не приемлет в частности односторонней правовой конструкции правоотношений, когда за одним субъектом признаются только права, а за другим только обязанности. В таких воззрениях в любом случае субъективное право доминирует и, возможно, подспудно, но не основательно подчиняет субъективную обязанность. Как следствие доктринальное позиционирование гипотетического субъективного тотального повиновения одного субъекта правоотношений другому субъекту, не поддающееся исчислению количество правоотношений означает отрицание равноправия. В результате фактически опровергается культивирование идеи субъективных интересов и свобод.

Рационально отметить, что логическая конструкция механизма правоотношений постоянна во времени и во всех государствах, ибо не поддается изменению под влиянием внешних воздействий. Основанием этому служит то, что все элементы механизма правоотношений функционально взаимообусловлены между собой и каждый из них взаимозависим от каждого другого элемента, тем самым органически нераздельное содержание внутренних естественных связей генерирует внешнюю конструкционную форму независимо от искусственного вмешательства. В силу этого логическая конструкция, что называется, всегда начеку, глубинно самоорганизуя системную конкретику правового регулирования. Как следствие за счет механизма правоотношений человеку, обществу, государству становится возможным вырваться из цепких объятий

хаоса субъективных прав и интересов, иногда обремененных лукавством эгоизма.

В свою очередь аналитический потенциал механизма индивидуальных конституционных правоотношений способствует погружению на глубинный рельеф универсальности конституционного регулирования, позволяя максимально возможно конкретизировать умозрительные процессы сборки единой системы национального правового регулирования. С формальной стороны его универсальность выражается в том, что механизм стабильно структурируется из одних и тех же правовых элементов. Содержательная универсальность состоит из возникновения и развития механизма на рубеже идейного содержания конституционных положений с реалиями правовых событий. Конкретика отмеченного соприкосновения детализируется за счет других видов механизмов правоотношений, наполненных внутренней энергетикой идейного содержания соответствующей совокупности правовых норм и фактологии регулируемой ситуации. Посредством чего? Субъективные права, интересы свободно, ежедневно и многократно просеиваются и бесстрастно ограничиваются. В этой будничности сокрыта перспектива благополучия каждого субъекта механизма индивидуальных конституционных правоотношений, а в целом всего общества и образованного им государства.

Тем самым логическая конструкция механизма индивидуальных конституционных правоотношений способна универсально принять на себя весь груз упорядочения ежедневно возникающего хаоса субъективных прав, интересов, свобод мерами правового регулирования. Ко всему прочему, указанная универсальность значительно сокращает объем неведомого в образовавшемся формате теории права, в связи с чем неизбежно и неуклонно будет происходить сближение, вплоть до единения, исследовательских точек зрения, гипотез и теорий. Соответственно, становится возможной минимизация реальной патологии множественности несовпадающих воззрений по одним и тем же вопросам, доктринально значимым вопросам. В

результате будет повышаться законотворческая и правоприменительная компетентность. В конечном итоге возрастет степень самопознания человека в каждом homo juridicus, всегда живущего в образованном им обществе и государстве.

В завершение оправданно задаться вопросом, насколько возрастет эффективность конституционного контроля в условиях общенационального руководства механизмом индивидуальных конституционных правоотношений.

Спасибо за внимание. Желаю успехов нашей конференции.